

ШЕЖРЕ-ДАСТАН

Сборник статей

Костанай, ОФСИИ "Тарихшы", 1998 г.

Министерство информации и общественного
Согласия Республики Казахстан
Костанайское областное управление
Общественный фонд «Тарихшы»

ШЕЖРЕ – ДАСТАН

Сборник статей молодых ученых Северного региона
республики по актуальным проблемам истории Казахстана

Костанай, 1998

ББК 63.5
В 74

Посвящается году
национальной истории и
общественного согласия

Под редакцией
доктора исторических наук, профессора А. Кузембайулы,
и кандидата исторических наук, доцента Е. Абиль

Шежре – Дастан/ Сборник статей молодых ученых
Северного региона республики Казахстан по актуальным
проблемам истории Казахстана. Книга первая. Костанай.
Общественный фонд содействия историческим
исследованиям «Тарихшы», 1998. -153 с.

В сборник включены статьи аспирантов, магистров и молодых
ученых по истории Казахстана досоветского периода. В них
нашли освещение проблемы формирования национальной
интеллигенции, создания научных учреждений, вклад отдельных
ученых в развитие науки и другие актуальные проблемы
истории Казахстана.

ISBN 5 – 7667 – 2671 - 6

© ОФСИИ “Тарихшы”, 1998 г.

К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССИВНОСТИ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А. Кузембайулы – д.и.н., профессор
Е. Абиль – к.и.н., доцент

В последние годы в связи с определенными политическими изменениями в Казахстане вырос интерес населения к некоторым проблемам истории. Особенно остро и болезненно встал вопрос о характере и значении вхождения Казахстана в состав России. А между тем, в печати, на телевидении, в учебниках и учебных программах до сих пор фигурирует концепция прогрессивности и добровольности присоединения Казахстана к России. При чем попытки осветить эту проблему с другой точки зрения воспринимаются как антироссиские, антиинтеграционные, как попытки отрицать дружеские связи между казахами и русскими и т.п. Между тем, подобное перенесение чисто научной академической проблемы в современную политическую жизнь совершенно неприменимо. Тем более, что в науке тезис о добровольности присоединения казахов утвердился относительно недавно.

Подавляющее большинство дореволюционных авторов считали, что начало процесса присоединения казахов к России было добровольным, но в тоже время не отрицали военный характер колонизации Казахстана.¹ Причем необходимость этого обосновывалась традиционно для тогдашней европейской политической мысли: «Мы идем на восток в силу неизбежного естественного закона цивилизации: народы образованные никогда не уживались рука об руку с варварами и если первые чувствовали в себе силу и мощь, то всегда высылали к последним пионеров для водворения между ними общечеловеческих понятий о государстве и обществе».² В 20-30-е годы вхождение Казахста-

на в состав России трактовалось как «абсолютное зло». Эта концепция была высказана в 1924 году известным советским историком М.П. Покровским.³ Так видел процесс присоединения первый казахский профессор истории С. Асфендияров: «Не благоденствие, мир и культуру несло царское завоевание казахским массам, оно несло разорение, грабеж и убийства».⁴

Однако постепенно исторические концепции менялись, причем под непосредственным влиянием партийного руководства. В 30-х годах развернулась массовая кампания по «разоблачению врагов народа», в число которых попали многие историки. Асфендияров был объявлен японским шпионом, обвинен в том, что «поднимал на щит миссионера Алтынсарина и царского палача Валиханова... Фашист Асфендияров свою контрреволюционную пачкату черпает из фашистских источников».⁵

В «Очерках по истории Казахской ССР» М.П. Вяткина (1941 год) присоединение Казахстана к России признавалось уже не абсолютным, а относительным злом.⁶ Как сговор части казахской знати с царским правительством характеризовали этот процесс авторы издания «Истории Казахской ССР», вышедшей в 1943 году под редакцией А. М. Панкратовой и Х. А. Абдыкалыкова.⁷

В годы войны, особенно на завершающем ее этапе, стала набирать силу тенденция возрождения державности, превратившаяся вскоре в возвлечение русского народа, выделение его руководящей роли в истории, оправдывание внешней и внутренней политики России. Конечно же, концепции о присоединении Казахстана к России как наименьшем зле противоречили этой тенденции. В мае – июне 1944 года совещание в ЦК ВКП(б) подвергло критике «Историю Казахской ССР» как «антирусскую». Колонизация была объявлена прогрессивным фактом. Вышедшие следом рецензия в журнале «Большевик» и постановление ЦК

КП(б) Казахстана от 19 августа 1945 года также были посвящены резкой критике авторов «Истории Казахской ССР». Избиению на страницах периодической печати стали подвергаться и другие историки и литераторы, в национализме были обвинены М. О. Ауэзов, С. Муканов, А. Х. Маргулан и многие другие. В конце 1947 года начались прямая атака на Е. Бекмаханова, доктора наук, автора блестящей книги о Кенесры Касымове и возглавленном им национально-освободительном движении. К чести историков, первые четыре дискуссии по его книге, несмотря на нажим властей, подтвердили правильность концепций автора. Однако маховик продолжал раскручиваться. Обвинителями Бекмаханова выступили молодые и неопытные историки, выполнявшие социальный заказ партийных органов. В газете «Правда» появилась их разгромная статья, где Бекмаханов и поддерживавшие его ученые были обвинены в буржуазном национализме и ревизии марксизма.⁸ ЦК КП(б) Казахстана в апреле 1951 года принял постановление, в котором эта статья была признана правильной и обязал Академию Наук пересмотреть взгляды историков и подготовить третье издание «Истории Казахской ССР», где процесс присоединения рассматривался бы как прогрессивный.⁹ В этом году же Е. Бекмаханов был лишен ученого звания профессора и ученых степеней кандидата и доктора наук. Подобной же участи подверглись ученые А. Дильмухамедов и А. Жиренчин. Тогда же Е. Бекмаханов был уволен из Академии и университета, а в декабре 1952 года осужден на 25 лет лагерей за «антисоветскую работу» и то, что в своей книге «вопрос о прогрессивном значении присоединения Казахстана к России истолковывал с буржуазно-националистических позиций».¹⁰ Конечно же, работа Н. Аполовой, вышедшая в 1948 году, освещала процесс присоединения как объективно прогрессивный.¹¹ Тезис о «наименьшем зле» был отвергнут на дискуссии по истории на-

циональных движений в дореволюционном Казахстане, прошедший в 1952 году, все антиколониальные движения, вплоть до восстания 1916 года, были объявлены реакционными.¹² В опубликованном в 1957 году третьем издании «Истории Казахской ССР» процесс присоединения также был оценен как прогрессивный.¹³ Бекмаханов, амнистированный в 1954 году, но не реабилитированный, для возвращения в науку был вынужден поступиться принципами и написать книгу, в которой пересмотрел свои прежние взгляды и говорил, что «добровольное присоединение Казахстана к России было вызвано жизненной необходимостью... имело глубоко прогрессивное значение».¹⁴ Подобная же точка зрения была высказана на состоявшейся в Ташкенте в 1959 году научной сессии.¹⁵

В этом же 1959 и 1971 годах вышли монографии С.Е. Толыбекова, посвященные общественному и экономическому положению Казахстана в XVII-XIX веках, в которых также факт присоединения оценивался как исключительно прогрессивный.¹⁶ Более того, автор категорически отрицал существование каких-либо положительных процессов в экономике казахов до присоединения и считал, что «добровольное присоединение казахских жузов к России создало известные условия для развития производительных сил в Казахстане».¹⁷

Книга Толыбекова была сразу же подвергнута критике, в частности известный казахстанский историк Т.Ф. Дахштейгер не соглашался с ним по целому ряду вопросов, однако официальная наука продолжала развивать тезис прогрессивности присоединения.¹⁸ Попытки отдельных авторов объективно подойти к этой проблеме игнорировались.

Так, В. Басин в 1968 году в одной из статей поставил под сомнение правомерность понятия «подданство» по отношению к Казахстану в XVIII веке.¹⁹ Он считал, что с

1731 по 1868 года можно говорить лишь о протекторате, о российском подданстве можно говорить только после того, как "российское правительство... двинуло свои войска вглубь Средней Азии для его присоединения".²⁰ Однако эта точка зрения практически не получила поддержки в ученых кругах. Празднование в 1981 году 250-летия присоединения Казахстана к России вообще ознаменовалось выходом целого ряда работ, где вновь безусловно признавалась прогрессивность этого процесса.²¹ Эта точка зрения сохранялась вплоть до нашего времени.

Для доказательства прогрессивности акта присоединения Казахстана к России как дореволюционные, так и советские авторы пользовались одинаковым набором тезисов:

1. Казахи в XVIII веке были политически разобщены и агрессия со стороны Джунгарии, Китая, среднеазиатских государств угрожала самому существованию казахов как народа, а Россия защитила их.

2. Казахи до XVIII века вели отсталое хозяйство, были кочевниками, не знали земледелия, с которым познакомились только под влиянием России, способствовавшей росту производительных сил, а значит и благосостояния народов Казахстана.

3. Казахи до XVIII века были абсолютно безграмотными, их культура была отсталой, а их реакция на прогрессивное было только отрицательным фактом, а благодаря России казахи получили доступ к европейскому образованию.

В советское время добавился еще один тезис, о том, что благодаря присоединению к России казахи получили возможность вместе с русским народом участвовать в революционном движении и строительстве социализма, что само собой, считалось огромным достижением.

Все эти тезисы на уровне современных достижений науки не выдерживают никакой критики. В рамках одной

статьи трудно полностью аргументировать всю их несостоятельность, однако попытаемся кратко разобрать каждый из этих тезисов.

1. Реальной помощи от России в борьбе с джунгарами казахи не получили. Война 1738-1741 года завершилась поражением казахов и признанием ханом Абулмамбетом джунгарского протектората. Попавший в плен султан Абылай был освобожден не столько усилиями российской пограничной администрации, как это часто представляется, а благодаря подчинению Среднего жуза джунгарам и заступничеству хана Абулхаира и ряда джунгарских нойонов. Разгром же Джунгарии в 50-х годах XVIII века был завершен казахами вообще без участия России. Также самостоятельно казахи боролись и с агрессией Китая, причем завершилась эта борьба тем, что казахи заняли земли Джунгарии, номинально признав себя подданным Поднебесной Империи. Средняя Азия же в XVIII веке не представляла собой серьезной угрозы казахам, отдельные представители которых даже правили в Хивинском ханстве. Хива и Коканд усилились только в начале XIX века, когда ослабло Казахское ханство. Таким образом, внешнеполитическое положение Казахстана в начале XVIII века не было настолько критическим, что принятие русского подданства могло бы положительно на него повлиять. Россия выступила не как защитник, а как один из агрессоров, умело воспользовавшихся сложным положением ряда казахских правителей и вынудила часть казахов юридически признать свой протекторат.

2. Кочевое хозяйство казахов целиком соответствовало природным условиям степной зоны и обеспечивало с одной стороны, определенное материальное благосостояние кочевников, с другой – сохранение экологического баланса.²² Кроме того, у казахов до XVIII века хорошо было развито земледелие, причем не только в южных районах, а

по всей территории Казахстана, что прекрасно описано в книге коллектива авторов «Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX веков», вышедшей в Алматы в 1980 году. Более того, преимущественно поливное плужное земледелие казахов технологически было более сложным и развитым, чем одновременное ему богарное земледелие русских. Известно, что в 30-е годы XIX века казахи даже продавали зерно русскому населению в городах и на пограничной линии.²³ Урожайность казахских пашен была зачастую выше, чем русских. Так, «Земледельческий журнал» в номере 19 от 1827 года сообщает, что под Каркаралинском на целинных землях в 1825 году казахи посеяли на 16 десятинах рожь, по одной четверти на десятину и получили при этом урожай в 205 четвертей, т.е. урожайность составила сам — 14. В следующем году с 18 десятин было снято уже 70 четвертей ржи, т.е. урожайность резко упала. В тот же год рядом с казахской пашней казахи-аргыны имели свою пашню, на которой посеяв 4,5 пудов пшеницы (а не ржи) получили урожай в 100 пудов, то есть урожайность составила сам — 22.²⁴ Кризис казахского земледелия начался в XIX веке, в связи с политикой колониальной администрации. Так, оренбургский генерал-губернатор П.П. Сухателен считал, что «киргизы (т.е. казахи) могут быть полезны России только в виде кочевого народа, как потребители наших водители кож и других сырых предметов».²⁵ Эти мысли были юридически оформлены в «Положении» 1844 года, по которому казахам запрещалось не только устраивать пашни, но и строить зимовки и заниматься сенокосением. Особенно сильный удар по казахскому земледелию нанесла переселенческая политика конца XIX начала XX века, в результате которой у казахов были отняты миллионы десятин лучших пахотных и пастбищных угодий. Таким образом,

тезис о благотворном влиянии на экономику казахов не соответствует действительности.

3. Казахи были мусульманами, а по установлениям шариата каждый мусульманин должен был знать арабскую грамоту и уметь читать и писать. Конечно же, это положение не всегда соблюдалось, однако в XVIII-XIX веках почти каждая казахская община содержала «mekteb» – начальную школу, состоявшую из учителя – муллы и нескольких учеников. В этих мектебах учили только читать и писать.

По «Временным Положениям» 1867-1868 годов подобные мектебы разрешалось открывать только с ведома уездного начальника при условии преподавания русского языка, поэтому большинство из них существовали нелегально. Соответственно, статистика учитывала как «грамотных» только выпускников официально разрешенных школ. Вот откуда легенда о двух процентах грамотных казахов. Вообще грамотность среди мусульман была в среднем выше, чем у представителей других конфессий. Так, только официально признанных грамотными среди татар в 1897 году было 20,4 % (реальный процент гораздо выше по уже указанным причинам), в то время, как у русских – 18,3 %.²⁶ Россия же как в Казахстане, так и на других национальных окраинах насаждала не общеевропейское, а православное, религиозное образование. Так, система «просвещения инородцев» Ильяминского телпопалапа устройство в степи русско-казахских школ, перевод казахского языка с арабской графики на кириллицу, для того, чтобы ребенок мог легче освоить русский язык, но в то же время не мог читать мусульманские тексты, что было необходимо для приобщения казахов к православию.²⁷ Знакомство части казахов с европейской культурой шло не благодаря, а вопреки политике царской колониальной администрации. К тому же вызывает сомнение и сам факт прогрессивности западно-европейской культуры с ее ин-

дивидуализмом и техногенной направленностью. Успехи мусульманских стран, особенно в последние годы, говорят о том, что потенциал исламской культуры в этом отношении далеко не исчерпан. Вообще, категория «культура» не может быть сравнена или измерена, к ней не применимы понятия «высокий» или «низкий». Все культуры своеобразны и нельзя на основе непохожести на европейскую объявлять их «низкими» или «отсталыми».

Таким образом, мы видим, что основные тезисы защитников прогрессивности присоединения Казахстана к России несостоятельны. Только сегодня, когда диктат коммунистической партии исчез, историки начали предпринимать попытки объективно и непредвзято осветить данные вопросы. Переизданы работы С. Асфендиярова и Е. Бекмаханова, выходят новые учебники и обобщающие издания, где в тезисе о «добровольности» и «прогрессивности» вносятся коррективы. Однако историки-любители зачастую до сих пор повторяют самые тенденциозные и одиозные концепции не только советских, но и дореволюционных авторов. Особенно это касается истории Кустанайского региона, где история русско-казахских связей насчитывает уже около четырехсот лет.

Признание насильственного характера присоединения Казахстана к России ни в коем случае не влечет за собой каких-либо политических последствий. Это чисто академический, научный вопрос, не касающийся никакого отношения к современным интеграционным процессам СНГ или русско-казахским отношениям. Признание завоевания Казахстана русскими войсками в XIX веке радикально отличается от оценки тех же процессов в Прибалтике хотя бы тем, что прошло уже 150 лет и никто из ныне живущих на территории нашего государства отношения к этим процессам не имеет. Никому не придет в голову назвать русских «окупантами» или требовать реванша и т.п. Поэтому пора

наконец перестать путать науку с политикой и объективно и непредвзято изучать такой сложный и неоднозначный процесс, как вхождение Казахстана в состав России.

1. Дахшлейгер Г.Ф. В.И. Ленин и проблемы Казахстанской историографии. Алма-Ата, 1975; Ерофеева И.В. Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема // Историческая наука Советского Казахстана. - Алма-Ата, 1990. С. 154-172.
2. Военный сборник. - СПб, 1862, № 9.
3. Покровский М.П. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. - М., 1924.
4. Асфендияров С.Д. История Казахстана. (с древнейших времен) – Алма-Ата: Казак университеті, 1993. С. 139.
5. Казахстанская правда, 1937, 29 сентября.
6. Вяткин М.П. Очерки истории Казахской ССР. - М.- Л., 1941.
7. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней./ Под ред. А.М. Панкратовой и Х.А. Абулканова.-Алма-Ата, 1941.
8. Шойнбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. Марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана.// Правда, 1950, 26 декабрь.
9. Известия Казахского филиала АН СССР. Сер. Ист. 1946, вып. 2.
10. Козыбаев И. М. Историография Казахстана: Уроки истории. – Алма-Ата, 1990. С. 106.
11. Ашполова Н. Присоединение Казахстана к России в 30-40 г.г, XVIII в.- Алма-Ата, 1948.
12. Козыбаев И.М. Указ. соч. С. 108.
13. См. История Казахской ССР.- Алма-Ата, 1957.
14. Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России.- М., 1957.
15. Ерофеева И.В. Указ. соч. С. 172.
16. Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX веках.- Алма-Ата: Казгосиздат, 1959.
17. Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-XIX веках.- Алма-Ата: Наука, 1971. С. 615.

18. См. Дахшлейгер Г.Ф. Указ. соч. С. 28-32.
19. Басин В.Я. Россия Казахские ханства в XVI - XVIII в. в. - Алма-Ата, 1971.
20. Там же. С. 268-269.
21. Постановление ИК КПК от 30 октября 1981 г. «О 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России» // Светлой дорогой дружбы и братства. - Алма-Ата: Казахстан, 1982. С. 11.
22. Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. - М., 1995.
23. Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX веков. Материалы к историко-этнографическому атласу. / Под. Ред. Г. Ф. Дахшлейгера. - Алма-Ата: Наука, 1980. С. 165.
24. Земледельческий журнал., 1827, № XX. С. 172.
25. Лобысевич Ф. Главные начальники Оренбургского края. - Оренбург, 1871. С. 57.
26. Ланда Р.Г. Ислам в истории России. - М., 1995. С. 144.
27. Асфендияров С. История Казахстана. - Алма-Ата, 1993. С. 243-245.

ЦИКЛИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПРОЦЕССОВ САМООРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИКО-ПОТЕСТАРНОЙ СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА В XIII-XV в. в.

Абишь Е.А. — кандидат исторических наук, доцент Костанайского юридического института МВД РК

Не смотря на достаточно хорошую разработку проблем самоорганизации сложных нелинейных систем в философии, естественных, экономических и других науках, исторические процессы до сих пор рассматривались как

чисто линейные, развитие древних и средневековых обществ Казахстана изучалось на основе европоцентристского и формационного подходов. Признавая за политическими объединениями людей системный характер, историки продолжают игнорировать при их анализе некоторые системные методы исследования, в том числе и принципы самоорганизации.

Политическая история есть история развития политико-потестарных систем, однако, в исторической науке методы и инструментарии политологии почти не используются. Точно так же политология не изучает политические системы в развитии, акцентируя внимание только на анализе современного их состояния.¹ Таким образом, отсутствует междисциплинарная связь между науками, имеющими смежные объекты исследования. Данная статья имеет целью попытаться восполнить этот пробел и рассмотреть политическую историю Казахстана именно как генезис открытых политико-потестарных систем.

Как открытые системы, обладающие внутренней связью и обменивающиеся с окружающей средой веществом и энергией, политико-потестарные системы характеризуются такими параметрами, как степень отчуждения власти, характер смены правящих элит, их господствующий тип, степень автономности потестарных единиц. Однако прежде чем анализировать процесс развития этих систем, необходимо определить их место в общей типологии системных образований.

Известно, что процессы самоорганизации могут протекать лишь в открытых системах. Это значит, что процессы спонтанного развития идут лишь в системах, постоянно обменивающихся веществом и энергией с окружающей средой. Для того чтобы определить наличие или отсутствие такого обмена мы должны выделить элементы системы.

Элементом политической системы является субъект отношений власти и подчинения, обладающий рядом свойств и характеристик. Во-первых, он должен иметь способность принимать, декодировать и интерпретировать информацию, полученную из окружающей среды. Во-вторых, он должен иметь «эффекторы» для осуществления принятых решений. В-третьих, у него должны быть определенные цели и приоритеты. В-четвертых, он должен подчиняться правилам поведения, в соответствии с которыми происходит корректировка цели. В-пятых, он должен подчиняться также определенным правилам принятия решений, т.е. выбора между альтернативными путями поведения.² Нижним таксоном иерархии субъектов будет отдельный человек.

Обмен элементами с окружающей средой и соседними системами происходит постоянно и с этой точки зрения политическая система открытая. Обмен энергией и информацией также не должен вызывать сомнений. Функционирование политической системы осуществляется в результате совершения определенной работы субъектами политики, а значит, затрачивается энергия, необходимая для поддержания системных связей.

Таким образом, политическая система является системой открытого типа и поэтому должна подчиняться законам самоорганизации и самодезорганизации. Все это лишний раз подтверждает тезис о единстве материального мира и логических гомологиях законов, когда законы выработанные для одной отрасли знаний, формально идентичны законам другой отрасли.³

В этом отношении интересны исследования ряда политологов «биополитического» направления. Они совершенно справедливо полагают, что политология исследует прежде всего популяции организмов, меняющиеся во времени, т.е. сложные системы с механизмами саморегу-

ляции, обратными связями, потоками информации и т.п.⁴ Все это дает возможность применения в изучении политических систем идей и методов естественных наук, в частности биологии. К сожалению, исследователи этой школы увлеклись анализом поведенческого аспекта в политике и проведению параллелей человеческого общества с приматами. Весь комплекс проблем, связанный с развитием системы в целом опять остался вне внимания ученых.

Между тем, модели развития открытых систем уже существуют. Генезис системы начинается как спонтанное однонаправленное согласованное движение элементов, образующих некую упорядоченную структуру, которая затем разрушается вследствие инерции окружающей среды. Применяя эту модель, развитие политической системы можно представить следующим образом:

1. Латентная фаза. Образуется неустойчивая совокупность элементов – субъектов политических отношений, не связанных с определенной системой.

2. Фаза становления системы. Политическая система институционализируется, однако, становление структуры и связей непрерывно продолжается. Система «растет».

3. Фаза стабилизации системы. Начинается с кризиса роста, когда прекращаются качественные изменения структуры системы. В этот период своего развития политическая система максимально приспособлена к внешним условиям.

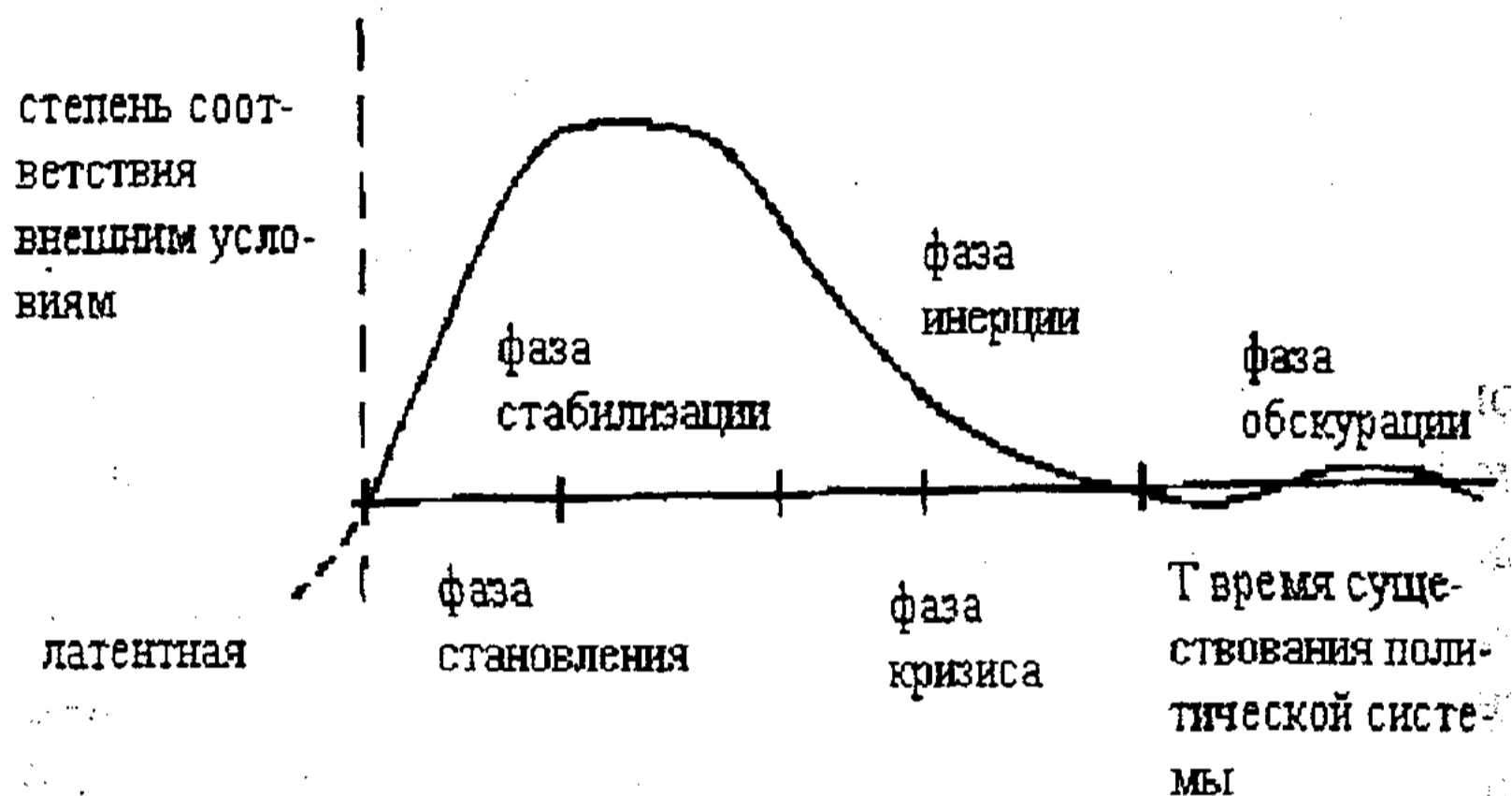
4. Фаза кризиса. Предыдущий период «кристаллизует» структуру системы, поэтому естественное изменение внешних условий «ломает» потерявшую гибкость системную целостность. Это период революций и реформ.

5. Фаза инерции. Эта фаза наступает только в том случае, если системы не дезинтегрировались во время

кризиса. Тогда вследствие инерции среды начинается постепенное дезинтегрирование, выражающееся в нарастании противоречий между структурой системы и внешними условиями.

6. Фаза обскурации. Система распадается и превращается в совокупность элементов, не связанных между собой (первоначальная совокупность) – материал для построения новой политической системы.

Графически эту модель можно выразить так:

Представленную модель вполне можно применить для изучения истории политико-потестарных систем Казахстана в XIII-XV в.в., в период становления и распада Улуг Улуса, более известного в исторической литературе как Золотая Орда.⁵

Латентная фаза процесса развития политико-потестарной системы Улуг Улуса имеет место в начале XIII века, когда в степях Поволжья и Западного Казахстана сталкиваются две политические традиции – старая – тюрко-

кыпчакская, характеризующаяся автономией потестарных союзов-племен и отсутствием централизованной власти и новая – монгольская. Собственно, в этот период происходит планомерное уничтожение кыпчакских государственных структур в ходе военных компаний монголов в 1218-1242 г.г. Первоначально Улус Джучи (Улуг Улус) входит в состав Монгольской империи и на его территории распространяется монгольская политическая система. Она характеризовалась крайней степенью отчуждения власти, принадлежащей политическим элитам закрытого типа – чингизидам. Ханы опирались на многочисленный бюрократический аппарат, однако большая роль в принятии политических решений принадлежала съезду представителей элиты – курултайю, где происходила официальная церемония выборов верховного правителя. Политическая система собственно Улуг Улуса несколько отличалась. Так, курултай здесь превращается в корунуш – смотр или прием, не выполняющий никаких властных функций. Завершение латентной фазы и начало фазы становления можно условно датировать 1242 годом – годом окончания Западного похода монголов, завершившего формирование территории Улуса Джучи.

Очень важно отметить здесь период 1242-1252 г.г., когда возникла опасность междоусобной войны между главой Улуса Джучи Бату-ханом и Монгольской империей во главе с Гуюк-ханом. В 1240 году последний поссорился с Бату и был отозван своим отцом Угедей-ханом из действующей армии.⁶ После смерти Угедея в 1241 году власть оказалась в руках его вдовы Туракины, а с 1246 года – Гуюк-хана. С этого момента конфликт между центральной властью и Бату стал неизбежным. Действительно, уже в 1248 году противники, собрав значительные силы, двинулись друг против друга, но во время похода Гуюк-хан

скончался при очень неясных обстоятельствах. Гильом Рубрук считал, что он был либо отравлен по приказу Бату, либо убит Шейбаном, младшим братом Бату.⁷ В любом случае, через шесть лет после завершения Западного похода, Бату-хан обладал силой, достаточной для противодействия всей Монгольской империи. Между тем, после 1242 года он был во главе лишь четырех тысяч монголов, унаследованных им от отца.

Положение монголов в Дагшти-Кыпчаке было очень сложным. Кыпчаки, ведшие непрерывную войну с 1218 по 1242 г.г. отнюдь не были сторонниками Бату. Тем не менее, ни кыпчаки, ни русские князья не воспользовались ситуацией и не уничтожили в 1242-48 г.г. Улус Джучи. Более того, они оказали поддержку Бату и основную часть военных сил последнего составляли именно кыпчаки. Единственное объяснение этому – примирение кыпчаков и монголов, создание своеобразного союза, конечно неравноправного, но, тем не менее выгодного для обеих сторон.⁸ Монголы составили верхушку военно-административного аппарата, кыпчаки получили гарантии соблюдения своих интересов и защиту от внешнего врага, включая и собственно Монгольскую империю. По сути дела во второй половине XIII века оформляется новое государственное образование, которое уже нельзя назвать монгольским – Улут Улус или Великий Улус. То, что Улус во время правления Бату продолжал официально считаться частью Монгольской империи не должно нас смущать, ибо с 1251 года правителем ее стал ставленник Бату Мунке-хан. При преемнике же Бату Беркехане (1257-1266) Улус уже де-юре становится независимым, однако процесс становления политической системы продолжался. Формируется система улусов, т.е. военно-административных объединений, возглавляемых представителями рода Чингисхана, бюрократический аппарат во

главе с визирем и беклербеком. Незавершенность этого процесса нашла выражение в политических процессах последней трети XIII века, в период правления ханов Менгу-Тимура (1266-1280), Туда-Менгу (1282-1287), Толе-Буки (1287-1290) и Тохта (1290-1312). В эти годы происходит ряд значительных событий, влиявших на политическую систему Улуса. С 1266 года начинается чеканка собственной монеты, закрепляющая юридически независимость государства. В то же время делались попытки превращения его в конфедерацию, что ярко проявилось в деятельности беклербека Ногая, личный улус которого включал в себя земли к западу от Днепра, включая Молдову и Болгарию.⁹ Особенно он усиливается во время правления слабоумного Туда-Менгу, увлекавшегося мистикой и фактически не участвовавшего в управлении государством.¹⁰ Ногай, женатый на дочери византийского императора Михаила Палеолога, стал фактически правителем Улуса и даже принимает титул хана, что говорит о его попытках вместо деления на левое и правое крыло ввести деление на три отдельных владения в Улусе. После отречения Туда-Менгу Ногай сажает на престол Толе-Буку, однако последний пытался выступить против всемогущего беклербека и был свергнут им. Следующий ставленник Ногая, Тохта, посаженный на престол в 1290 году, также начал борьбу против своего покровителя, завершившуюся в 1299 году разгромом Ногая и восстановлением единства Улус Улуса. Период становления политической системы Улуса завершается с приходом к власти Узбек-хана (1312-1342). Он ознаменовался попыткой воцарения представителей нечингизидов, «черной кости» в лице Ток-Бути Баджира, казнённого Узбеком, после чего по всему государству торжественно было объявлено: «Отныне да прекратится воцарение простолюдинов».¹¹ С принятием ислама в качестве государственной религии и ликвида-

ей самоуправления левого крыла, процесс становления политической системы Улуг Улуса завершился. Он превратился в империю с сильной центральной властью, развитым бюрократическим аппаратом, улусной военно-административной системой.

Следующая фаза, фаза стабилизации условно датируется 1312-1359 г.г., временем правления Узбека (1312-1342), Жанибека (1342-1357) и Бердибека (1357-1359). Несмотря на ряд выступлений против центральной власти, главным образом, в восточных районах Улуг Улуса, политическая система уже не изменяется, достигнув наибольшего уровня развития, т.е. соответствия внешним условиям. Именно поэтому данный период признается временем наивысшего могущества этого государства. Однако, длительная консервация системы влияет на ее устойчивость при изменении внешних условий. Именно это произошло после смерти Бердибека, на котором прервалась династия Бату. Юридические и политические последствия этого были катастрофическими. Правление рода Бату основывалось на завещании Чингисхана и в 1359 году возникает некий политический вакуум, т.к. все другие линии чингизидов были одинаково нелегитимны. Попытки же некоторых групп, в основном потомков Шейбана и Тука-Тимура закрепить за собой право на престол воспринимались контрэлитами как незаконные. До сих пор во многих работах период политического кризиса второй половины XIV века представляется как время борьбы чингизидов за власть. Нам кажется, что это несколько поверхностный взгляд на события. В действительности же происходила борьба политических элит, своеобразных партий, выдвигающих свои политические проекты, идеалы переустройства политической системы. При этом те или иные претенденты на престол являлись лишь номинальными представителями, главами этих групп.

Конечно же, методы и формы политической борьбы были иные, нежели сейчас, но сводить их к только лишь междоусобицам нельзя. Таким образом, в 1359-1380 г.г. имеет место кризисная фаза развития вызванная противоречием между принципом наследования верховной власти и реальной политической ситуацией.

Кризис завершается только в 1380 году с приходом к власти хана Тохтамыша из династии Токай-Тимура, сумевшего восстановить имперскую систему Улуг Улуса. Однако уже в 70-х годах XIV века произошел важный правовой прецедент, вызвавший изменение политической системы – факт избрания хана съездом представителей элиты – беков и эмиров. Подобные выборы имели место в 1368 году, когда престол в левом крыле занял Орыс-хан, в 1379 году, когда сам Тохтамыш стал правителем того же левого крыла. После поражения последнего в войне с Тимуром и бегства в 1395 году в Литву власть переходит к беклербеку Едиге. С этого момента в политической системе Улуг Улуса происходит еще одно изменение – ни один чингизид не может претендовать на трон без санкции Едиге или кого-либо из его потомков. Возникает своеобразная формула «бірі би-бірі хан» (один бий, другой хан), когда официально правит не один правитель, а два – хан чингизид и бий – едигейд. Данная система существует в Улуг Улусе до самого его распада в первой четверти XV века и даже после, вплоть до конца 60-х годов XV века.

Распад Улуг Улуса после смерти Едиге в 1419 году не означал, однако, гибели политической системы. Она сохранилась в государствах – наследниках Улуса, в т. ч. и государстве Абулхайра, являвшегося фактически бывшим левым крылом Великого Улуса. Тем не менее, внешние условия продолжали изменяться и все более и более входили в противоречие с политической системой. Так, в государстве

Абулхаира была очень слаба торговая верхушка, отсутствовали крупные городские центры, понизилась роль международной торговли, что лишало казну возможности получать доходы для содержания мощного аппарата, без которого имперская система не может функционировать. В то же время выросла роль полукочевых аграрных объединений, превратившихся из военно-административных в военно-потестарные. Последнее было связано с растущей автономизацией этих объединений в связи с ослаблением центральной власти. В 1469-70-х годах государство Абулхаира распадается на Мангытское, Сибирское и Казахское государства. Прежняя политическая система сохраняется лишь в Сибири, где до 20-х годов XVI века правили шейбаниды и Казахском ханстве, где до 20-30-х годов XVI века существовала улусная система и институт выборов хана. К середине 50-х годов этот период развития политической системы, период инерции завершается и казахи, отказавшись от последних ее остатков, начинают создавать новую, основанную на широкой автономии военно-потестарных образований и господстве авторитетной элиты. Начинается новый цикл развития политико-потестарных систем на территории Казахстана.

Таким образом, мы видим, что политические процессы на территории нашей страны имели циклический характер и можно разработать общую модель развития политических систем кочевников. Это позволит более подробно разобраться в причинах тех или иных событий и явлений, реконструировать их и представить общую схему развития общества на территории степной Евразии в древности, средние века и новое время, выявить закономерности этого процесса.